

С. А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

**СТАНИСЛАВ МИХАИЛ КРИЧЕВСКИЙ:
«РУСЬКИЙ» ШЛЯХТИЧ В ПОИСКАХ ОТЕЧЕСТВА...**

В статье рассмотрена общественно-политическая ситуация в Речи Посполитой на примере жизни одного из наиболее ярких представителей белорусско-украинской шляхты XVII в. – Станислава Михаила Кричевского. Личность Кричевского, его жизненный путь с одной стороны уникален, однако, с другой стороны представляет собой яркий пример типичного шляхтича Речи Посполитой православного происхождения, оказавшегося в условиях жесткой религиозной борьбы и сопутствующих этноконфессиональных процессов перед трудным выбором будущего для себя и своих потомков на пороге столкновения цивилизаций.

Личность Станислава Кричевского очень колоритна и противоречива в оценках как отечественных, так и зарубежных историков. При упоминании имени С. Кричевского даже у не очень информированного человека сразу возникают стереотипные ассоциации с Богданом Хмельницким, экспансией казаков на территорию современной Беларуси и Лоевским сражением 1649 года. Между тем, на наш взгляд, путь С. Кричевского в казачество был очень непростым. Этот путь отражает сложную ситуацию, сложившуюся в общественных кругах русского общества ВКЛ. Ситуация, при которой поляризация господствующего класса достигла даже его низших слоев – мелкой шляхты, которой предстояло сделать выбор между, как тогда представлялось многим, «старомодной» греко-русской церковью или «прогрессивным» римским католицизмом. Причём в данном случае речь идет не столько о религиозной принадлежности, сколько о системе мировоззрения, а в более узком смысле о показателе политической лояльности, возможности продвижения по карьерной лестнице и ощущении себя полноправным «сарматом».

Предки Станислава Кричевского происходили из мелкой брестской шляхты «русского» (с точки зрения жителей изучаемой эпохи и белорусского с современной точки зрения) происхождения [1, с. 83–86]. Предки Кричевского (возможно, его отец) в русле характерного для того времени процесса конфессиональной конверсии на рубеже XVI–XVII вв. приняли католицизм, однако процесс полонизации рода, по-видимому, далеко не зашел, и религиозная конверсия не успела в полной мере отразиться на изменении этнического самосознания.

Как и многие шляхтичи, С. Кричевский видел возможность своего карьерного роста через военную службу. Точных сведений о дате рождения и о его жизни в 20-х и 30-х годах XVII века нет. По мнению В. Липинского, он участвовал в войне Речи Посполитой со Швецией 1600–1629 гг., во время которой руководил гусарской хоругвью. Однако эту версию справедливо ставит под сомнение польский историк В. Маевский. С большой долей вероятности можно предположить, что в 20-х гг. XVII века Станислав Кричевский служил в коронной армии и магнатских частях на территории коронной Украины. Вполне возможно, что осенью 1632 г. С. Кричевский участвовал в выборах польского короля и великого князя литовского Владислава IV [2, с. 533].

Первые достоверные сведения о жизни С. Кричевского относятся к концу 1630-х гг. В период с мая по август 1638 г. он уже был товарищем казачьей хоругви князя З. Чатвертинского и участвовал в подавлении восстания запорожских казаков под руководством Дмитрия Гуни. В октябре 1643 г. коронный гетман С. Конецпольский назначил С. Кричевского полковником полка реестровых казаков, дислоцированного в Чигирине. Это назначение не было случайным. Предыдущий полковник Ян Закревский был вынужден покинуть свой пост из-за большого недовольства казаков его руководством. Личность С. Кричевского, русского шляхтича по происхождению, имевшего авторитет среди казаков, а также верно служившего Речи Посполитой, вполне устраивала и рядовых казаков и коронного гетмана. В 1644 г. С. Кричевский со своим полком находился в Запорожской Сечи, где собирал сведения о расположении татарских отрядов. 30 января 1644 года чигиринский полковник участвовал в битве при Ахмате, в ходе которой татары потеряли около 4000 человек. Весной 1646 г. С. Кричевский вновь отправился из Чигирина в Запорожскую Сечь для защиты южных районов коронной Украины от татарского похода. В октябре 1647 г. С. Кричевский вместе со своим полком принял участие в походе польского войска под руководством коронного хорунжего А. Конецпольского на Крымское ханство [3].

За время службы на Украине С. Кричевский сблизился с представителями русской (в данном контексте – украинской) знати православного вероисповедания, выступавшими против конфессиональной политики правящих кругов Речи Посполитой. В частности, дружеские отношения установились с одним из его подчиненных – казацким сотником Богданом Хмельницким. Кричевский настолько сблизился с Хмельницким, что даже стал кумом будущего запорожского гетмана. В ноябре 1647 г. Б. Хмельницкий и ряд других сотников Чигиринского полка были арестованы по обвинению в подготовке антигосударственного восстания. Только благодаря заступничеству С. Кричевского, взявшего своих подчиненных на поруки, Б. Хмельницкий был освобожден из-под стражи. После бегства Б. Хмельницкого в декабре 1647 г. в Запорожскую Сечь С. Кричевский оказался в очень тяжелом положении, однако не ушел на юг и решил остаться на стороне короля. Интересно, что чигиринский полковник не утратил доверия

командования, остался на своем посту. Кстати, сам С. Кричевский, сообщив А. Конецпольскому о побеге Б. Хмельницкого, в конце декабря 1647 г. со своим отрядом двинулся на Дикое Поле на поиски беглецов. Во время этого рейда С. Кричевский взял 4 пленных, которых доставили к коронному гетману М. Потоцкому в Бар [4, с. 320].

В начале января 1648 г. по указанию коронного гетмана С. Кричевский вместе с черкасским полковником С. Вадовским был отправлен в район Запорожской Сечи для ознакомления с положением в этом опасном крае, возможно даже для переговоров с Б. Хмельницким, который к концу января уже контролировал это казацкое прогосударственное образование и вел активные переговоры с крымским ханом Ислам-Гиреем [2, с. 533]. 9 февраля 1648 г. сводный отряд реестровых казаков С. Кричевского и С. Вадовского потерпел поражение от запорожских казаков, после чего отступил к Чигирину. В середине марта 1648 г. С. Кричевский принял участие в безуспешных переговорах. В мае 1648 г. С. Кричевский вместе со своим полком участвовал в походе коронного войска на Запорожскую Сечь. 5–6 августа 1648 г., во время битвы при Желтых Водах в полку С. Кричевского вспыхнул мятеж. Когда С. Кричевский во главе нескольких сотен реестровых казаков напал на повстанческую крепость, его подчинённые подняли мятеж в стане коронного войска. Этот мятеж оказал значительное влияние на поражение королевской армии в этой битве. С. Кричевский попал в плен и стал добычей татар [5].

Пленённый С. Кричевский не был казнен и был выкуплен Б. Хмельницким за 4 тысячи талеров, после чего принял православие с именем Михаил. Можно по-разному истолковывать причины этого поступка: спасение жизни, стремление остаться в казацкой старшине, и так далее. На наш взгляд, М. Кричевский совершил конфессиональную конверсию скорее под влиянием многолетних контактов с той частью русской шляхты и «шлюда посполитого», которые пассивно или активно сопротивлялись религиозной конверсии в сторону католицизма и последующей полонизации. Трудно понять, особенно при отсутствии соответствующих источников, что творилось в душе М. Кричевского, когда он перешел на сторону восставших казаков, но гипотетически можно представить, что существовал определённый комплекс, связанный с религиозной конверсией предков. Если для крестьян неопиты Кричевские, вероятно, формально уже стали католиками, т.е. поляками, то для оппозиционно и даже воинственно настроенного казачества, они ещё выглядели как вероотступники. В то же время программа Б. Хмельницкого на первом этапе войны не предусматривала выхода русских земель Польши и Литвы из состава Речи Посполитой. На этом этапе запорожский гетман продвигал идею создания Русского государства в составе Польско-Литовской федерации, или самой Польши. Позднее эта идея воплотилась в Гадяцком договоре 1658 г., который заключил с Речью Посполитой ближайший соратник Б. Хмельницкого, новый запорожский гетман Иван Выговский.

По условиям этого договора на территории Украины должно было быть создано Великое княжество Русское с центром в Киеве, входившее в состав Речи Посполитой на правах третьего субъекта федерации. Во главе Великого княжества Русского должен был стоять гетман, которого избирала местная рада и утверждал король. Княжество должно было иметь свою армию, свою казну, выпускать свою монету, на территории княжества должна была упразднена Брестская церковная уния, а православная церковь получала бы равный статус с католической. Таким образом продвигалась идея автономизма, приемлемая для большинства православной и даже католической знати Речи Посполитой. Переход М. Кричевского на сторону восставших казаков не означал его измены Речи Посполитой, а демонстрировал его политическую позицию, ориентированную на близость с представителями православной знати, выступавшей против экспансии католицизма и связанной с этим поляризации общества. Сменив конфессию, М. Кричевский, говоря современным языком, фактически просто изменил свою «партийную принадлежность», подчеркнул свое происхождение от русской шляхты и дистанцировался от той части шляхты Речи Посполитой, которая в этот период уже пыталась вывести свои корни от Палемона.

После своего крещения М. Кричевский был назначен киевским полковником и в первую фазу казацко-крестьянской войны находился преимущественно рядом с Б. Хмельницким, будучи одним из главных советников запорожского гетмана. М. Кричевский часто выполнял

дипломатические поручения казацкого предводителя, принимал активное участие в боях с коронным войском. Участвовал в Пилявицком сражении, походе Б. Хмельницкого в Западную Украину, осаде Замостья. Однако наибольшую известность он приобрел после сражения с армией ВКЛ под Лоевом летом 1649 года.

Весной 1649 г. запорожский гетман направил в ВКЛ большой казацкий загон под предводительством И. Голоты. Поражение этого отряда в битве под Загальем в июне 1649 г. было неожиданным и тяжелым ударом для Б. Хмельницкого, а возможное наступление армии ВКЛ на Киев поставило главные силы украинского казацкого войска, которое направлялось на Збараж, в крайне сложную ситуацию. Одной из наиболее значимых задач для Б. Хмельницкого было сдерживание великокняжеской армии на своей территории и развертывание новой волны повстанческого движения в ВКЛ. Эти обстоятельства заставили руководителя казацкой Украины принять действенные меры, чтобы не допустить захода шляхетской армии в тыл казацкому войску.

Для этого к переправам через Днепр в районе Лоева были подведены отдельные силы Черниговского полка под руководством С. Подобайлы [6, с. 100]. В начале июля казаки обосновались у слияния Днепра и Сожа, построив здесь хорошо укрепленный лагерь [7, с. 46]. На помощь Черниговскому полку Хмельницкий направил в начале июля в Беларусь 10-тысячную армию во главе с М. Кричевским [8, л. 249]. 8 июля армия Кричевского подошла к Чернобылю, где к ней присоединились Чернобыльский полк М. Панкевича (7 хоругвей общей численностью около 2 тыс. человек), Овручский полк И. Бруяки (3000 конных и 500 пехоты) и Брагинский полк полк Г. Голоты (1,5 тыс. кавалерии и 500 пеших казаков) [8, л. 249]. Общая численность армии М. Кричевского составляла около 15–20 тыс. человек.

Тем временем 2 июля литовский польный гетман Януш Радзивилл прибыл со своим войском в Речицу. 18 июля армия ВКЛ двинулась в направлении Лоева, а в Речице был оставлен небольшой гарнизон во главе с майором Шварцехом [9, с. 437]. Для контроля за переправой через Припять в районе Бабич туда заранее была отправлена хоругвь легкой конницы во главе с капитаном Лозецким [10, с. 48]. 22 июля войско Я. Радзивилла, двигавшееся вдоль берега, подошло к Лоеву и расположилось в урочище в трех верстах от города. 18 июля, когда Я. Радзивилл двинулся на Лоев, М. Кричевский направил Овручский полк к Бабичам (ныне деревня Барбаров Ельского района). Своим маневром М. Кричевский преградил возможный путь войску ВКЛ на помощь осажденному коронному войску под Збаражем, а полк С. Подобайлы под Лоевом преградил литовскому войску дорогу на Киев.

В последние дни второй декады июля М. Кричевский получил письмо Б. Хмельницкого от 14 июля, в котором запорожский гетман, находясь под Збаражем и не имея возможности оказать действенную помощь, обещал в будущем прислать на помощь татар, а перед их приближением искренне просил М. Кричевского «начать мужественно» [3, с. 291; 8, л. 249 об.]. Вечером 26 июля М. Кричевский со своим войском незаметно подошел к Речице и расположился в версте от города [8, л. 249]. В ночь на 27 июля наказной гетман осмотрел городские укрепления, после чего было принято решение отойти от Речицы в сторону Лоева [10, с. 56]. Сейчас трудно выяснить истинные причины маневра Кричевского, представляется убедительным, что отказ Кричевского штурмовать Речицу и решение направить свою армию на Лоев было оперативным решением, связанным с изменением ситуации. Именно такую мотивировку решения предлагает современник событий Ю. Г. Шледер [11, с. 27]. Суть изменения обстановки заключалась в том, что М. Кричевский после форсирования Припяти уже знал, где находятся главные силы шляхетского войска. Целью похода на Речицу была ликвидация базы войска ВКЛ, тем самым шляхетские силы были бы отрезаны от внутренних поветов Великого княжества. Однако около Речицы М. Кричевский узнал об ослаблении армии Я. Радзивилла под Лоевым из-за отправки в разные стороны отрядов С. Комаровского и А. Павловича общей численностью около 2 тыс. человек [8, л. 249]. Эти известия изменили планы М. Кричевского, он решил немедленно двинуться к Лоеву и использовать удобный момент для разгрома главных сил шляхетской армии.

Военный опыт М. Кричевского позволил ему уклоняться от разездов армии, в результате казаки незаметно обошли Лоев и приблизились к шляхетскому лагерю [7, с. 47]. На рассвете 31 июля была созвана казацкая старшина, на которой возникли разногласия по поводу

необходимости штурма литовского лагеря без соответствующей подготовки. Старшина указывала наказному гетману на ослабление сил казаков после многокилометрового перехода, на превосходство армии ВКЛ в артиллерии, М. Кричевский не сумел убедить старшину в необходимости стремительного наступления, было принято решение атаковать лагерь в Лоеве в ночь с 31 июля на 1 августа после соответствующей подготовки [8, л. 249; 9, с. 61].

Однако утром 31 июля один из казацких отрядов вступил в бой с литовскими фуражирами, которые успели предупредить Я. Радзивила, что «противника видели за полторы версты» [11, с. 27; 2, с. 359]. М. Кричевский утратил элемент внезапности, однако, достоверно зная, что часть армии ВКЛ еще не вернулась в лагерь, решил действовать немедленно, вопреки решению, принятому на совещании со старшиной. Был отдан приказ атаковать шляхетский лагерь кавалерийскими силами с ходу, без поддержки своей пехоты и артиллерии, а также без помощи полка С. Подобайло, находившегося на левобережье Днепра. М. Кричевский, вероятно, надеялся, что Подобайло сумеет разобраться в ситуации и оперативно вступит в бой, но, как показал ход боя, надежды наказного гетмана на фактор внезапности оказались напрасными [3, с. 359].

На первом этапе боя конница М. Кричевского атаковала лагерь армии ВКЛ, однако шляхетская армия смогла сдержать штурм, а затем предприняла контратаку, в результате которой конные казаки были оттеснены в лес. На этом этапе сражения преимущество армии ВКЛ было связано с двумя факторами. Прежде всего, это своевременное возвращение кавалерийского отряда С. Комаровского из-под Брагина и его взвешенная оценка обстановки, в результате чего его отряд нанес совершенно неожиданный удар с тыла по левому крылу казаков. Армия М. Кричевского была разорвана на две части, его левое крыло было окружено. Во-вторых, отсутствие поддержки казаков М. Кричевского как со стороны его собственной пехоты, не имевшей времени для подхода к месту боя, так и со стороны С. Подобайло, который поздно сориентировался в обстановке и вовремя не поддержал атаку наказного гетмана [7, с. 47; 11, с. 27; 3, с. 359]. На втором этапе боя кавалерия М. Кричевского была блокирована в лесу. Это позволило шляхетским силам отразить попытку форсирования Днепра казаками Подобайло. Значительная часть казаков погибла под шквальным огнем литовских воинов [3, с. 360; 11, с. 28]. На третьем этапе Я. Радзивилл, продолжая блокировать закрепившихся в лесу казаков Кричевского, направил против его пехоты значительные силы под предводительством Р. Мирского. Казацкая пехота, которая только подходила к месту боя, оказалась беззащитной против кавалерии ВКЛ. В четверти версты от лагеря М. Кричевского отряд Р. Мирского атаковал казачью пехоту и в течение получаса разгромил ее [3, с. 360; 11, с. 28].

Четвертый этап сражения характеризуется безуспешными попытками М. Кричевского прорвать блокаду своего лагеря и соединиться с пехотой, а после ее разгрома – последующими атаками армии ВКЛ казачьего стана. Казаки, построив укрепления из трупов людей и лошадей, оказали серьезное сопротивление. В ночь с 31 июля на 1 августа казаки тайно покинули свой лагерь через леса и болота, оставив тяжелораненых, среди которых был и М. Кричевский. Через два дня командующий гетман умер в плену. Интересно, что, когда перед смертью ему предложили исповедоваться православному священнику, он отказался. Он также дал отрицательный ответ на предложение исповедаться католическому священнику. Это обстоятельство в известной степени символизирует отношение самого Кричевского к религии и еще раз повторяет характерную для Речи Посполитой XVII века формулу: католики – поляки, люди «веры греческой», вне зависимости от принадлежности к «униатам» либо «дизунитам» – русские. Личность Кричевского, его жизненный путь с одной стороны уникален, однако, с другой стороны представляет собой яркий пример типичного шляхтича Речи Посполитой православного происхождения, оказавшегося в условиях жесткой религиозной борьбы и сопутствующих этноконфессиональных процессов перед трудным выбором будущего для себя и своих потомков на пороге столкновения цивилизаций.

Источники и литература

1. Чаропка, С. А. Літва і Русь вачыма жыхароў ВКЛ XVII ст. / С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2018. – №4 (109). – С. 81–86.

2. Majewski, W. Krzyczewski Stanisław (Michał)/ W. Majewski // Polski słownik biograficzny. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Wyd-wo PAN, 1970. – Т. XV. – S. 553–554.

3. Lipiński, W. Stanisław Michał Krzyczewski. Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańczych pod wodzą Bohdana Chmelnickiego/ W. Lipiński. – Kraków, 1912. – VIII, 375 s.

4. Лях, С. Р. Кричевський Михайло Станислав / С. Р. Лях // Українське козацтво: Мала енциклопедія. – 2-е вид., доп. и перероб. – Київ, 2006. – С. 320–321.

5. Історія України: нове бачення : у 2 т. / О. І. Гуржій, Я. Д. Ісаєвич, М. Ф. Котляр [та інш.]; редкол. В. А. Смолій (гол. ред.) [та інш.]. – Київ: Вид-во «Україна», 1995. – Т. 1. – 350 с.

6. Шевальє, П. Історія війни козаків проти Польщі. З розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар / П. Шевальє/ пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.

7. Кислюк, О. Польський хроніст Самуель Грондський і його опис Лоївської битви 1649 р./ О. Кислюк // Гісторыя Лоеўскай зямлі. Факты. Каментары. Матэрыялы міжнарод. навук.-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю ўтварэння г. п. Лоеў (Лоеў, 20 кастр. 2005 г.) / Рэд. кал. С. А. Чаропка (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 43–48.

8. Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В. С. Стэфаніка (ЛНБ). – Ф. Асалінскіх – Спр. 225/ІІ. – Арк. 249–250. – Канфесата допыту казакоў Неўмярыцкага і Трухамоўкі.

9. Дневник Богуслава Машкевича. 1643–1649 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси: вып. II. (первая половина XVII ст.); под ред. В. Антоновича. – Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1896. – С. 406–438.

10. Переяславський, О. Лоїв / О. Переяславський. – Каліш: б.в., 1935. – 95 с.

11. Уривки з німецької хроніки «Театр Європи» // Сіверянський літопис. – 1999.

№ 2. – С. 24–31.